

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ РОССИИ ЗА ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Борис МИРОНОВ

доктор исторических наук,
профессор С.-Петербургского
государственного университета,
главный научный сотрудник
С.-Петербургского института истории РАН

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

История

«Знание само по себе — сила», — утверждал в свое время Френсис Бэкон. Сегодня же мы предпочитаем говорить о культурном капитале, причем как отдельного человека, так и целой страны. Знания влияют на все виды человеческого поведения, включая экономическое, политическое, криминальное, инновационное. Образованные люди в массе даже ростом выше неграмотных. Поэтому существует тесная связь между культурным капиталом, с одной стороны, и благосостоянием, производительностью труда, заработной платой, характером хозяйственной деятельности и преступностью в данном социуме — с другой. Темпы роста образованности населения примерно на треть обуславливают темпы роста национального дохода на душу населения [Миронов, 1994. С. 111—125].

Как изменился культурный капитал России за последнюю тысячу лет?

1. Динамика грамотности в России со времен Киевской Руси до конца XIX века

Есть разные измерители величины культурного капитала, наиболее простой — уровень грамотности. Понятие «грамотность» имеет два значения: умение читать и писать и наличие определенных знаний в какой-нибудь области. В первом смысле

грамотность — средство получения знания, во втором — сумма знаний. Грамотность — и как умение, и как сумма знаний — оказывает существенное влияние на личность, ее внутренний мир, самосознание, познавательные процессы.

Историю грамотности в России для удобства анализа разделим на пять периодов: (1) киевский, X — середина XIII века (до монгольского нашествия); (2) московский, середина XIII — конец XVII века; (3) имперский, XVIII век — 1917 год; (4) советский, с 1917 года; (5) постсоветский, с 1991 года. Для каждого из этих периодов сохранились специфические источники сведений о грамотности, требующие специальной методики их обработки.

До 1950-х годов о распространении грамотности в Киевской Руси исследователи судили главным образом по найденным в ходе археологических раскопок письменным принадлежностям, а также по владельческим записям на ремесленных изделиях, по колодкам с именами заказчиков и по граффити. Наиболее ранние из этих находок относятся к X—XI векам [Гуревич, 1973. С. 28—34]. В 1951 году во время раскопок в Великом Новгороде были впервые найдены берестяные грамоты, и на сегодняшний день в девяти древнерусских городах обнаружено уже более тысячи грамот, датированных XI—XV веками. Практически во всех остальных древнерусских городах найдены орудия письма на бересте. Характер записей и число находок указывают на распространение грамотности в ее разнообразных функциях [Колчин, Янин, 1982. С. 94—103]. В результате сложилось мнение: в Новгородском княжестве (а возможно, и в других русских землях) чуть ли не поголовно все взрослое население, включая женщин, владело грамотой. Без всякого критического разбора это представление перекочевало во все учебники и труды по истории культуры [Очерки истории школы, 1989. С. 33—34; Очерки русской культуры, 1970. С. 166; Павленко, Кобрин, Федоров, 1989. С. 57, 79]. Между тем если оно соответствует действительности, то неясно, как и почему в дальнейшем новгородцы утратили грамотность, с учетом того, что княжество не подвергалось татаро-монгольскому нашествию и благоденствовало вплоть до присоединения в 1478 году к Великому княжеству Московскому. В имеющихся источниках за XVI—XIX века нет свидетельств о высоком уровне грамотности, а по переписи 1897 года в Новгородской губернии грамотных в возрасте старше девяти лет насчитывалось лишь 30% от всего населения, в том числе мужчин — 43% [Общий свод по империи, 1905. С. 42—43].

Исходя из этого, Б. В. Сапунов оспорил тезис о поголовной грамотности и попытался оценить степень ее распространения в середине XIII века следующим образом. В целом на территории Киевской Руси он насчитал около 10 тыс. церквей и 300 монастырей. Если в каждой из 1,3—1,5 тыс. городских церквей имелись по пять человек клира, в каждой из 8—9 тыс. сельских церквей — трое, а в каждом монастыре — 30—50 монашествующих, то всего насчитывалось около

50 тыс. представителей черного и белого духовенства. Считая грамотным все духовенство, а также все 20 тыс. представителей знати и горожан, а неграмотными — крестьян и женщин всех сословий, Сапунов оценил уровень грамотности семимиллионного населения Киевской Руси перед монгольским нашествием в 1%, а среди мужчин в возрасте старше девяти лет — в 2,6%. Минимальный уровень грамотности в городах в соответствии с этой методикой составлял около 6,5% от населения в возрасте старше девяти лет, а среди мужчин — 13%. Отметим, в основе расчетов Сапунова лежит много вероятных, но отнюдь не бесспорных посылок: количество церквей и монастырей, численность белого и черного духовенства, городского и сельского населения, количество книг в Киевской Руси X—XIII веков (порядка 130—140 тыс.) [Сапунов, 1978. С. 82, 206—207]. И тем не менее итоговая оценка не лишена оснований: через пять столетий, в конце XVIII века, когда мы имеем более или менее точные данные, грамотность населения в возрасте старше девяти лет была, как и следовало ожидать с учетом медленного прогресса грамотности, — несколько выше: в среднем по России от 3 до 7% (подробнее об этом ниже).

Трудно сомневаться в том, что в дальнейшем, вплоть до конца XVII века, грамотность населения постепенно росла. Об этом свидетельствуют возрастание числа граффити и археологических находок, связанных с письмом [Беленькая, 1975. С. 47—53], усложнение задач управления и рост делопроизводственной документации, увеличение количества сохранившихся письменных памятников, развитие скорописи, распространение христианства, культуры и расширение товарно-денежных отношений [Очерки истории школы, 1989. С. 43—45]. Всего один пример: количество сохранившихся русских книг и их фрагментов одного только XV века в два раза превышает аналогичный показатель за весь период с X по XIV век, то есть в восемь раз превышает число книг, создаваемых в среднем за столетие в предшествующие четыреста лет [Розов, 1978. С. 37]. Даже если принять во внимание рост численности населения, то все равно увеличение количества книг шло в прогрессирующем темпе, значительно обгоняя рост населения.

Для оценки уровня грамотности в XIV—XVII веках историки используют другие источники и иной метод — статистику подписей на документах. При составлении купчих, меновых, закладных, духовных и других документов требовались либо собственноручные подписи участников сделки и ее свидетелей, либо подпись третьего лица, удостоверяющая, что участник или свидетель неграмотен. Предполагается: систематический подсчет собственноручных подписей на большом количестве актов, охватывающих территории многих уездов за длительный отрезок времени, дает репрезентативную картину грамотности мужского пола (поскольку женщины в качестве свидетелей не привлекались). Согласно подсчетам первого исследователя древнерусской грамотности А. И. Соболевского, в XVI—XVII веках грамотных

крестьян насчитывалось не менее 15%, горожан — 20—43%, землевладельцев — 55—80%, придворных чинов — 78%, белого духовенства — 100%, черного духовенства (монахов) — 70% [Соболевский, 1894. С. 3—13]. К близким цифрам приходят и другие авторы: по их подсчетам на частных актах в XVI веке собственноручно расписывались 60—80% свидетелей [Очерки истории школы, 1989. С. 45—46].

Исследование грамотности по подписям имеет ряд существенных недостатков: число подписей невелико — всего несколько десятков; подписи не дают устойчивых и точных данных об уровне грамотности, потому что результат в значительной мере зависит от того, на каких документах учитываются подписи [Рогов, 1977. С. 250]; грамотность завышается, так как в свидетели старались приглашать по возможности грамотных людей [Яцимирский, 1912. С. 513]. Поэтому значительно большего доверия заслуживают данные, полученные в ходе поголовного допроса свидетелей во время судебного следствия или основанные на списках грамотных людей, составленных властями.

К концу XVII века грамотность торгово-ремесленного населения возросла [Соболевский, 1894. С. 3—26]. В последней трети XVII века грамотность городского населения (Москва и Смоленск, северные и сибирские города) находилась в пределах от 13 до 52%, крестьянства — от 4 до 25%, если судить о ней по подписям на коллективных прошениях и частных актах [Богоявленский, 1980. С. 159—161; Борисов, 1854. С. 53—60; История северного крестьянства, 1984. С. 408—409; Копылов, 1974. С. 45—46; Судаков, 1973. С. 219; Устюгов, 1974. С. 78]. Однако если за основу брать более массовые сведения о подписях свидетелей при судебных разбирательствах и во время следствий, то уровень грамотности городского населения оказывается значительно ниже. Например, статистика подписей под коллективными челобитными москвичей в конце XVII века дает 25—52% грамотных, статистика подписей в судебных делах — 24%, а поголовный допрос свидетелей во время следствия выявил только 13% грамотных мужчин [Богоявленский, 1980. С. 160—161]. Аналогичные данные получаем и по другим городам [Копылов, 1974. С. 45—46; Устюгов, 1974. С. 78]. Например, согласно составленным местной администрацией спискам грамотных крестьян в северных уездах России, среди мужчин грамотность составляла 2—4%, а судя по подписям на прошениях и частных актах — 5—25% [История северного крестьянства, 1984. С. 408—409]. Соответственно, наиболее вероятной представляется цифра 13% грамотных среди москвичей (в других городах страны этот показатель был и того ниже [История северного крестьянства, 1984. С. 413]) и 2—4% среди жителей деревни.

Источники о грамотности в период империи более разнообразны. В первой трети XVIII века, согласно статистической обработке подписей купцов-товаровладельцев в таможенных книгах, грамотность купечества — наиболее состоятельной части городского населения — достигала 42% [Кафенгауз, 1958. С. 283—285]. Обработка са-

мого массового источника — подписей в опросных анкетах (сказках), заполнявшихся во время переписей населения (ревизий), — позволяет заключить: уровень грамотности торгово-промышленного населения городов колебался от 4 до 10% [История Москвы, 1953. С. 417; Копылов, 1974. С. 108]. Статистика подписей под коллективными прошениями северных крестьян дает близкую цифру — 9% грамотных [История северного крестьянства, 1984. С. 409]. О ситуации в последней трети XVIII века можно судить по массовым данным рекрутских наборов и переписей населения, разработанных пока для небольшой части территории страны и не за все годы [Волков, 1964. С. 125]. Найденные мною списки 29 557 новобранцев, призванных в 1732—1796 годы, показывают: грамотность рекрутов в XVIII веке не обнаружила какой-либо устойчивой тенденции к росту или снижению (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Грамотность рекрутов в XVIII — первой половине XIX века

Годы	Губернии	Число рекрутов			Грамотность (%)		
		мещане	крестьяне	итого	мещане	крестьяне	итого
1732—1756	16 губерний	102	4204	4306	13,7	0,4	0,5
1768—1787	20 губерний	153	11 251	11 404	17,0	0,1	0,3
1788—1796	23 губернии	188	13 659	13 847	11,7	0,5	1,2
1802—1828	13 губерний	41	2682	2723	34,1	1,9	2,4
1840—1855	Симбирская	47	10 314	10 361	21,3	3,1	3,2

Источник: [Миронов, 2012. С. 156].

Среди мужской половины дворянства, согласно проверке в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената, умеющих писать и читать в 1760-е годы насчитывалось 84%, а согласно статистике подписей под дворянскими наказами в Комиссию по составлению нового уложения 1767 года — 87% [Бочкарев, 1915. С. 327; Лаппо-Данилевский, 1897. С. 15, 137, 140]. В 1785 году в Архангельской и Олонецкой губерниях коронная администрация провела подворную перепись, специально фиксирующую умение читать. Согласно этой переписи, в Архангельской губернии грамотность государственных и экономических (бывших монастырских) крестьян мужского пола достигала 12%, а дворцовых крестьян — 6%; в Олонецкой губернии среди государственных крестьян имелось 3% грамотных, среди экономических (бывших монастырских) — 4,5% [История северного крестьянства, 1984. С. 411—414]. Уровень грамотности колебался не только от сословия к сословию, но и среди крестьян различных регионов. Например, на Севере, где отсутствовало крепостное право и были широко развиты всякого рода промыслы, грамотных крестьян насчитывалось в 5—10 раз больше, чем в центральных регионах.

Таким образом, к концу XVIII века показатели мужской грамотности у крестьян находились в пределах 1—12%, у горожан 20—25%. Среди сословий максимальная грамотность была у дворянства (84—

87%), затем следовало духовенство (более 75%), купечество, мещанство, работные люди и последним — крестьянство. Среди крестьян самая низкая грамотность наблюдалась у помещичьих крестьян. Женщины намного уступали мужчинам, но сколько-нибудь точные данные об уровне их грамотности пока не получены.

Для XIX — начала XX века основные сведения о грамотности населения стали давать переписи, рекрутские наборы и уголовная статистика. Однако обработаны эти источники слабо, и более или менее массовыми данными мы располагаем лишь по состоянию на середину XIX века, в канун отмены крепостного права, и на 1880-е годы. К 1860-м годам грамотность (умение читать) мужской части крестьян в семи (из 69) губерний (Вологодской, Московской, Пензенской, Псковской, Саратовской, Симбирской, Тульской) составляла около 6% (в том числе дворцовых и государственных крестьян — 9%, помещичьих — 5%), грамотность населения двадцати городов четырех губерний — около 25% [Булгаков, 1984. С. 63, 65; Деконский, 1849. С. 74; Дружинин, 1901. С. 54—75; Крутиков, Федоров, 1977. С. 153; Сельскохозяйственная статистика, 1859. С. 81; Семевский, 1864. С. 81—89; Трубников, 1858. С. 426]. Среди 2569 крестьян, осужденных в 1837—1845 годы за неповиновение помещикам, грамотных имелось всего 8,4% [Рахматуллин, 1990. С. 103]. К середине 1880-х годов грамотность мужской половины крестьянства 22 губерний (из 81) достигла 15%, женской — 2,5%.

Изменение грамотности новобранцев в пореформенное время отражают сводные данные о рекрутских наборах из Российского государственного исторического архива (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Средняя грамотность всех российских новобранцев, 1867—1913 годы (%)

1867—1868	1874—1883	1884—1893	1894—1903	1904—1913
9,2	21,9	30,7	45,5	62,6

Источники: [Миронов, 2012. С. 196; Рашин, 1956. С. 304].

2. Ретросказание грамотности за 1797—1917 годы по данным переписей населения

Первые полноценные всероссийские данные о грамотности относятся к 1897 году, когда была проведена первая и последняя в истории дореволюционной России всеобщая перепись населения. При проведении переписи грамотными считались все, кто умел хотя бы читать. Данные переписи подтверждают сделанный выше вывод: грамотность существенно дифференцировалась по регионам, сословиям, месту жительства (город, деревня). Например, средняя грамотность населения обоего пола старше девяти лет составляла в Европейской России 30%, в том числе в городе — 58%, в деревне — 26%; среди мужчин — 43%, среди женщин — 22% [Общий свод по империи,

1905. С. 56—57]. Минимальная грамотность в Псковской губернии равнялась 19,5%, а максимальная грамотность в Эстляндской губернии — 95,3% [Общий свод по империи, 1905. С. 40—43]. Это означает: *выводы об уровне грамотности до 1897 года, основанные на отрывочных сведениях, в лучшем случае показывают пределы, в каких колебалась грамотность, а отнюдь не средний, типичный ее уровень.*

Т а б л и ц а 3

**Грамотность женщин по возрастным группам в Европейской России,
1797—1897 годы, по данным переписи 1897 года (%)**

Возрастная группа (лет)	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817	1807	1797
10—19	22,7	20,3	16,1	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	5,9	4,7	5,4
20—29	20,3	16,1	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	5,9	4,7	5,4	
30—39	16,1	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	5,9	4,7	5,4		
40—49	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	5,9	4,7	5,4			
50—59	11,6	10,9	10,3	8,6	5,9	4,7	5,4				
60—69	10,9	10,3	8,6	5,9	4,7	5,4					
70—79	10,3	8,6	5,9	4,7	5,4						
80—89	8,6	5,9	4,7	5,4							
90—99	5,9	4,7	5,4								
100—109	4,7	5,4									
110 и старше	5,4										

Источник: [Общий свод по империи, 1905. С. 60—62].

Чтобы корректно представить динамику грамотности в России с конца XVII до начала XX века, мною разработана специальная методика анализа данных первой всеобщей переписи населения¹ (табл. 3).

В табл. 3 в столбце за 1897 год приведены данные переписи. Столбцы за последующие годы заполнены на основе столбца за 1897 год, исходя из действующего в наше время закона сохранения человеком (а значит, и всей когортой) приобретенной в детстве грамотности. Например, столбец за 1887 год заполняется следующим образом: 10—19-летняя возрастная группа в 1887 году имела тот же уровень грамотности, что и 20—29-летняя группа в 1897 году; 20—29-летняя возрастная группа в 1887 году имела тот же уровень грамотности, что и 30—39-летняя в 1897 году, и т. д. до 100—109-летней возрастной группы. Столбец за 1877 год заполнялся аналогичным способом: 10—19-летняя возрастная группа имела тот же уровень грамотности, что и 20—29-летняя возрастная группа в 1897 году или 30—39-летняя возрастная группа в 1897 году; 20—29-летняя возрастная группа в 1877 году имела тот же уровень грамотности, что и 30—39-летняя возрастная группа в 1887 году или 40—49-летняя возрастная группа в 1897 году, и т. д. до 90—99-летней возрастной группы. Пользуясь подобной методикой, заполним табл. 3 до 1797 года.

¹ Подробнее о методике см.: [Миронов, 1991. С. 65—92].

Применение методики передвижки возрастных когорт оставляет в исходной таблице много пробелов. Поначалу они малозначительны для подсчета средней грамотности по стране, но с 1837 года начинают все более заметно сказываться на точности вычислений. Так, за 1827 год нам уже недостает сведений о 18,8—31,7%, за 1807 год — о 49,8%, а за 1797 год — о 70,5% населения. Поэтому для прогноза грамотности на более отдаленные от переписи годы можно экстраполировать недостающие данные с помощью уравнения регрессии.

Теперь можно было бы перейти к расчету средней грамотности по России и ее динамики за сто лет, если бы закон сохранения грамотности действительно работал. Однако в XIX веке некоторые жители России с годами утрачивали грамотность вследствие того, что после обучения практически не пользовались полученными навыками чтения и письма. Это явление получило название *рецидива неграмотности*, или утраты грамотности [Eklof, 1986. Р. 394—410; Вахтеров, 1896. С. 7—12; Корф, 1881. Кн. 10. С. 4—5; Кн. 12; Чарнолуцкий, 1912. С. 12—13; Чехов, 1912. С. 141]. О темпах рецидива неграмотности в зависимости от пола, возраста и социального положения можно судить на основе переписей 1897, 1920 и 1926 годов, позволяющих сравнить уровень грамотности одних и тех же когорт спустя 23 и 29 лет. Данные переписей позволяют также вычислить и средние темпы утраты грамотности по мере старения поколения. Во избежание риска я сделал две оценки грамотности: принимая и не принимая во внимание рецидив неграмотности. Первая оценка дает *максимально*, вторая — *минимально* возможную грамотность. Реальная грамотность будет находиться в интервале между ними.

В результате проделанных расчетов получаем следующую картину динамики грамотности, то есть *умения читать*, населения Европейской России за 120 лет (табл. 4).

В целом за 120 лет грамотность населения в возрасте старше девяти лет в Европейской России повысилась с 3,3—6,9 до 42,8%, в том числе сельского населения — с 2,7—5,6 до 37,4%, и городского — с 9,2—21 до 70,5%. Причем женщины всегда существенно отставали от мужчин, что отрицательно сказывалось на грамотности детей, а следовательно, и новых поколений жителей России, так как именно женщины традиционно играли главную роль в воспитании.

Большой интерес представляют и данные о вариации грамотности по сословиям. Их реконструкция возможна только до 1847 года, потому что в переписи 1897 года при расчете сословной грамотности все лица старше 60 лет объединены в одну возрастную группу.

Приведу результаты реконструкции, опуская однообразные и утомительные вычисления, совершенно аналогичные тем, что выполнены при оценке грамотности городского и сельского населения (табл. 5).

Изменение грамотности у четырех важнейших сословных групп — дворянства (в том числе дворяне потомственные и личные, чиновники не из дворян), духовенства (черного и белого), городского сословия

Т а б л и ц а 4

Грамотность населения Европейской России в возрасте старше 9 лет, 1797–1917 годы (%):
 (а) с учетом утраты грамотности поколением после 21 года,
 (б) без учета утраты грамотности поколением после 21 года

Население		1797	1807	1817	1827	1837	1847	1857	1867	1877	1887	1897	1907	1917
Сельское, мужское	а	6,1	7,2	8,9	10,8	13,3	16,1	19,1	22,8	26,4	33,2	39,3	45,2	53,2
	б	3,3	4,1	5,4	7,5	10,4	13,7	17,4	22,2	27,7	31,2			
Сельское, женское	а	5,2	6,2	7,2	8,0	8,5	9,1	9,5	9,8	10,3	11,7	13,4	17,0	22,6
	б	2,1	2,7	3,4	4,5	5,5	6,5	7,3	8,2	9,4	11,3			
Городское, мужское	а	28,6	32,2	35,7	40,2	45,3	49,6	53,3	56,6	60,0	64,0	69,0	74,1	79,8
	б	12,7	13,9	17,1	23,5	32,0	40,3	47,4	53,5	59,3	63,8			
Городское, женское	а	12,0	14,2	18,0	22,1	25,4	27,9	29,8	31,9	35,0	39,8	45,6	53,0	61,1
	б	5,1	6,2	8,3	12,3	16,6	20,8	24,5	28,4	33,1	39,0			
Сельское	а	5,6	6,7	8,0	9,4	10,8	12,5	14,2	16,1	18,3	21,9	25,9	30,6	37,4
	б	2,7	3,4	4,4	6,0	7,9	10,0	12,2	15,0	18,1	21,2			
Городское	а	21,0	23,9	27,6	31,9	36,1	39,6	42,5	45,2	48,4	52,6	57,7	63,8	70,5
	б	9,2	10,4	13,1	18,3	25,0	31,3	36,9	42,0	47,1	52,3			
В целом	а	6,9	8,1	9,4	11,1	13,0	14,9	16,8	19,1	21,7	25,6	30,1	35,3	42,3
	б	3,3	3,9	5,1	7,0	9,4	12,0	14,5	17,8	21,6	22,0			

Источники: рассчитано по данным [Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. С. 122–167; Т. 9; Т. 10. С. 66–221; Т. 11. С. 54–58; Т. 17; Общий свод по империи, 1905. С. 60–62; Стат. ежегодник, 1924. С. 24–27].

(имеются в виду почетные граждане, купцы, мещане, цеховые и пр.) и крестьянства (здесь объединены крестьяне, казаки, иностранные поселенцы и др.) — происходило следующим образом. За 70 лет более всего возросла грамотность городского сословия — с 30 до 64%, или на 34 пункта; затем духовенства — с 78 до 95%, на 27 пунктов; крестьянства — с 10 до 36%, на 26 пунктов; дворянства — с 76 до 90%, на 14 пунктов. Как видим, наибольшую активность в приобретении грамоты проявила торгово-промышленная буржуазия. В целом у всех сословий уровни грамотности заметно сблизились. Монополия господствующего класса на грамотность оказалась подорванной, однако различия между сословиями оставались значительными. В 1847 году максимально высокая грамотность у дворян была на 66% выше, чем у крестьян, а в 1917 году максимальная грамотность у духовенства — на 63% выше, чем у крестьян.

Уровень грамотности представителей одного и того же сословия, живших в городе и в деревне, также существенно различался, но в городах меньше, чем в деревне (табл. 5). До 1897 года принадлежность к тому или иному сословию влияла на грамотность в большей степени, чем городское или сельское проживание (в 1847 году статус объяснял 36 пунктов вариации грамотности, а городское проживание — 13 пунктов, в 1887 году — соответственно 34 и 30 пунктов). В 1897 году влияние обоих факторов сравнялось, а с 1907 года небольшое преимущество получило место проживания — сословная принадлежность обусловила 32 пункта вариации грамотности, а место жительства — 33,

**Грамотность населения Европейской России
в возрасте старше 9 лет по сословиям, 1847—1917 годы (%)**

	1847	1857	1867	1877	1887	1897	1907	1917
Дворянство	76	77	80	82	84	86	88	90
город	89	91	92	94	95	95	97	98
деревня	59	62	64	67	68	71	73	76
Духовенство	68	72	77	81	85	89	92	95
город	82	85	88	91	93	95	97	98
деревня	59	64	70	76	82	86	91	94
Городское сословие	30	37	39	44	48	54	59	64
город	33	36	41	47	54	60	66	73
деревня	30	32	34	37	44	47	51	56
Крестьянство	10	12	14	18	21	27	30	32
город	25	27	31	36	43	50	57	64
деревня	9	11	13	16	20	22	27	32
Различие в грамотности между городским и сель- ским населением	23	26	27	29	30	32	33	33
Различие в грамотности между четырьмя сословиями	36	34	35	34	34	32	32	31

Источник: см. табл. 4.

в 1917 году — соответственно 31 и 33 пункта (табл. 5). Очевидно, урбанизация и капитализм, более развитый в городе, стали важнейшими факторами, побуждавшими людей к получению образования.

Наконец, рассматривая гендерные особенности в овладении грамотой, отметим: женщины отставали от мужчин своих сословий. Однако женщины из дворянства и духовенства превосходили по грамотности мужчин из непривилегированных сословий, а к 1917 году практически сравнялись с мужчинами своего статуса.

Имеющиеся фактические данные подтверждают достоверность данных, полученных методом передвижки когорт. Например, как по сведениям земских подворных переписей в 1912—1913 годы [Рашин, 1956. С. 294—295], так и по итогам реконструкции на 1917 год, грамотность проживавших в деревне крестьян обоего пола старше девяти лет равнялась 32%. Аналогичные данные за 1880—1887 годы [Благовещенский, 1893. С. 126—128; Бычков, 1890. С. 312] дают соответственно 12—14 и 16—20%. Расхождения объясняются главным образом тем, что земские цифры 1880-х годов относились только к 22 великорусским губерниям, в то время как данные реконструкции касаются всей Европейской России. По итогам переписей в 41 городе (в них проживало больше половины городского населения), проведенных в 1863—1879 годы, средняя грамотность горожан достигала 38% [Рашин, 1956. С. 295—296], по данным реконструкции — 37—47%.

Ежегодные отчеты Министерства юстиции показывают грамотность осужденных в возрасте старше девяти лет, близкую к данным реконструкции (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Грамотность российских осужденных в возрасте старше 9 лет, 1837–1907 годы

	1837	1846— 1847	1856— 1857	1866— 1867	1876— 1877	1886— 1887	1896— 1897	1906— 1907
<i>Осужденные</i>								
Мужчины	21	19	20	—	27	28	41	47
Женщины	7	5	8	—	6	6	12	19
Оба пола	14	13	16	16	17	17	26	33
<i>Все население</i>								
Мужчины	15	18	21	26	30	35	42	48
Женщины	8	9	10	11	12	14	17	21
Оба пола	9—13	12—15	15—17	18—19	22	22—26	30	35

Источники: [Отчет Министерства юстиции, 1839—1869; Свод статистических сведений, 1878—1910].

3. Грамотность в России и Прибалтике в 1797–1897 годы: поучительные сравнения

Методика ретросказания может быть использована для реконструкции грамотности не только по стране в целом, но и по отдельным регионам и губерниям. При этом наиболее точные результаты достигаются для регионов (губерний), отличающихся однородным этническим составом населения и низким уровнем миграции: для чувашского, мордовского, татарского, башкирского и прибалтийских народов, поскольку миграционные процессы в местах их проживания, как правило, проходили в границах этноса. Например, достаточно надежные данные о грамотности получены в Эстляндской губернии, где проживали преимущественно эстонцы, и для Лифляндской и Курляндской, где проживали главным образом латыши (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Динамика грамотности населения обоого пола старше девяти лет в прибалтийских губерниях и Европейской России, 1777–1897 годы (%)

Год	Эстляндская	Лифляндская	Курляндская	Европейская Россия
1777	65	42	—	—
1787	67	46	23	—
1797	70	50	27	3—7
1807	72	54	30	4—8
1817	73	57	33	5—9
1827	76	63	41	7—11
1837	79	69	48	9—13
1847	83	74	56	12—15
1857	86	79	65	15—17
1867	89	83	72	18—19
1877	92	87	79	20—24
1887	94	89	82	22—26
1897	95	92	85	30

Источник: [Общий свод по империи, 1905. С. 60—62].

Результаты ретросказания в Прибалтике близки к фактическим данным, имеющимся за ряд лет [Palli, 1984. Р. 605; Андресен, 1980. С. 89—90, 242, 248; Салминь, 1969. С. 136—140]. Интересно отметить: реконструкция грамотности в Прибалтике дает удовлетворительные результаты и без учета рецидива безграмотности. Значит, у эстонцев и латышей в течение XIX века рецидив безграмотности практически отсутствовал или был весьма незначительным ввиду того, что, во-первых, начальная школа, благодаря хорошей постановке образования, давала прочные знания, а грамотность для всех сословий являлась функциональной, то есть постоянно использовалась в жизни; во-вторых, миграция из белорусских, украинских и великороссийских земель, снижавшая грамотность, не стала массовой.

В дореволюционной России прибалтийские народы на столетие обогнали другие народы страны в деле освоения грамоты. Особенно больших успехов достигли эстонцы. В начале XVIII века среди эстонских крестьян по меньшей мере 10% являлись грамотными [Андресен, 1980. С. 53] — уровень, достигнутый русским, белорусским и украинским крестьянством в середине XIX века. В конце XVIII века грамотность в Эстонии и Латвии составляла 50—70% — подобный уровень в других регионах страны зафиксирован переписью 1926 года. Сплошной грамотности эстонцы и латыши также добились почти на столетие раньше [Народное образование, 1977. С. 9—10]. Достижения на культурном поприще служили важной предпосылкой успехов Прибалтики в экономическом развитии, по уровню которого на протяжении XVIII—XX веков регион неизменно являлся самым передовым в стране. Культурный уровень населения оказывал влияние на трудовую этику — важнейший фактор хозяйственных успехов. В конце XIX — начале XX века у русских (как, впрочем, у белорусов и украинцев) насчитывалось примерно 258 нерабочих дней в году, в том числе около 70 праздничных (без воскресений), в то время как у католиков и протестантов в прибалтийских губерниях — соответственно 40—50 и 15—25 [Миронов, 2012. С. 457]. Но и по уровню грамотности православные уступали католикам и протестантам: у первых в 1897 году грамотных обоого пола во всем населении насчитывалось 19%, у католиков — 32, у протестантов — 70% [Общий свод по империи, 1905. С. 34]. Рациональное использование времени, буржуазное отношение к труду были в несравненно большей степени присущи протестантскому и католическому, чем православному крестьянству. Грамотность способствовала секуляризации сознания, оказывала влияние на поведение, делая его рациональным и прагматичным, ориентированным на достижение максимальных результатов.

Наблюдательного поэта А. А. Фета поражала громадная разница, существовавшая в прибалтийских и великорусских губерниях во всем. В 1834—1836 годах он учился в городе Верро Лифляндской губернии в пансионе, а через 18 лет, в 1854 году, вернулся с полком, в котором он в то время служил, для охраны побережья Балтийского моря.

«При новом вступлении в Остзейский край мне было 34 года, и я не могу умолчать о произведенном на меня впечатлении культурной страны, которую глаз беспрестанно сравнивал с нашей Русью. Я должен признаться, что сравниваю тогдашнее состояние остзейского края, которого не видел с тех пор, с теперешним положением нашего черноземного населения, близко мне знакомым. Разница выходит громадная. Почва этого края не выдерживает никакого сравнения с нашей черноземной полосой, а между тем жители сумели воспользоваться всеми данными, чтобы добиться не только верного, но и прочного благоустройства. Поля возделаны со всевозможною тщательностью, всюду проложили не широкие, но прекрасно содержанные шоссе; леса, дичина и рыболовство не подвергнуты беспощадному расхищению; небольшие, круглые и сильные крестьянские лошади прекрасно содержатся, и вы не встретите ни тощих кляч, попадающихся у нас на каждом шагу, ни нищих. Все дворянские дома и усадьбы, переходящие от отца к сыну, массивно сложены из гранитных камней, обильно разбросанных по полям. Таким образом, камни сослужили две службы: сошли с полей и построили усадьбы и шоссе. Дворяне не дробят имений, а передают их одному из сыновей, помогающему братьям на избранном ими поприще государственной или частной службы. Дочери богатого графа, обносящие вокруг стола кушанья, ясно указывают на то, что дворяне полагают унижение своего достоинства не в этом акте и ему подобных, а в чем-то другом, хотя преисполнены чувством собственного достоинства никак не менее наших, и не сразу бы поняли слово «опроститься». Словом, весь жизненный строй напоминает растение, расцвет которого не мешает ему глубоко пускать корни в почву, запасаясь все новыми силами» [Фет, 1983. С. 278].

4. Динамика грамотности в России за тысячу лет

В советское время переписи проходили регулярно, благодаря чему возможно проследить динамику грамотности вплоть до настоящего времени (табл. 8).

Приведенные в табл. 8 данные правильно отражают динамику умения читать и писать, но не отражают изменения уровня знаний: подавляющее число грамотных до 1926 года обладали элементарной грамотностью — умением читать, писать и считать, в то время как с конца 1920-х годов значительное, а с 1970 года преобладающее число людей имели полное и неполное среднее образование. При сравнении данных о грамотности за разные годы мы по необходимости уравниваем тех, кто умел только читать, с теми, кто приобрел более обширные знания и навыки в начальной, средней и высшей школе. Поэтому для более адекватной оценки изменений в уровне образования населения в XX веке по сравнению с XIX веком введем более эластичный показатель — среднее число лет обучения.

Т а б л и ц а 8

Динамика грамотности в России, XIII — начало XXI века (% грамотных в возрасте старше 9 лет)*

	Сельское население			Городское население			Все население		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Около середины XIII века	2—3	—	1—1,5	12—13	—	6—7	2—3	—	1—1,5
Конец XVII века	4,0	—	2,0	13—14	—	8—9	4—5	—	2—2,5
1797 год	5,0	2,0	3,5	21,0	5,0	13,0	6,0	2,0	4,0
1847 год	15,0	8,0	11,0	45,0	24,0	35,0	18,0	9,0	13,0
1897 год	35,5	12,5	23,8	66,1	45,7	57,0	40,3	16,6	28,4
1920 год	52,4	25,2	37,8	80,7	66,7	73,5	57,6	32,3	44,1
1926 год	67,3	35,4	50,6	88,0	73,9	80,9	71,5	42,7	56,6
1939 год	91,6	76,8	84,0	97,1	90,7	93,8	93,5	81,6	87,4
1959 год	99,1	97,5	98,2	99,5	98,1	98,7	99,3	97,8	98,5
1970 год	99,6	99,4	99,5	99,9	99,8	99,8	99,8	99,7	99,7
1979 год	99,6	99,5	99,6	99,9	99,9	99,9	99,8	99,8	99,8
2002 год	99,4	98,3	98,8	99,9	99,6	99,7	99,7	99,3	99,5
2010 год	—	—	—	—	—	—	99,8	99,6	99,7

* За 1797—1897 годы данные по Европейской России, за 1920—1979 годы — в текущих границах СССР, за 1920—1979 годы — СССР; 2002 и 2010 годы — Российская Федерация.

Источники: табл. 4; [Всероссийская перепись, 2002; 2010; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. С. 122—167; Т. 9; Т. 10. С. 66—221; Т. 11. С. 54—58; Т. 17; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.; Итоги переписи 1939 г. С. 89—90; Народное образование и культура, 1989; Народное образование, 1977; Народное хозяйство СССР, 1957—1988; Общий свод по империи, 1905. С. 60—62; Статистический ежегодник, 1924. С. 24—27].

Для 1797—1926 годов данный показатель рассчитывался следующим образом. Сначала по проценту грамотных определялось количество грамотных; затем вычислялось суммарное число лет обучения населения в возрасте старше девяти лет за счет начального образования путем умножения количества грамотных на два — среднее число лет обучения каждого грамотного человека в начальной школе². Суммарное число лет обучения в начальной школе делилось на численность населения в возрасте старше девяти лет, и получалось среднее число лет обучения в начальной школе. После этого по численности лиц со средним и высшим образованием и длительности обучения в средней и высшей школе вычислялось суммарное число лет обучения для получения среднего и высшего образования, причем за число лет, проведенных в средних учебных заведениях (сверх двух лет, отданных начальной школе), принималось 10 лет, в высших — 14 лет. Полученная цифра делилась на численность населения в возрасте старше девяти лет, и определялось среднее число лет обучения одного человека для получения среднего и высшего образования. Сложение количества лет обучения одного человека в начальной, средней и высшей школе дает искомую величину — число

² В конце XIX — начале XX века мальчики учились в среднем 2,14—2,33 года, девочки 1,80—2,03 года, в среднем около двух лет [Eklof, 1986. P. 328—341].

лет обучения одного человека. Уровень образованности населения в 1926—1987 годы определялся по данным об образовательной структуре населения, причем считалось, что полное начальное образование требовало до 1964 года четырех лет обучения, с 1965 года — трех, неполное среднее образование — соответственно семи и восьми лет, полное общее среднее образование в 1926—1987 годах — десяти лет, среднее специальное образование — 12 лет, незаконченное высшее образование — 13 лет, законченное высшее образование до 1959 года — 14,5 лет, с 1960 года — 15 лет (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Среднее число лет обучения одного человека в возрасте старше 9 лет, 1797—2002 годы (начальное, среднее и высшее образование)*

1797	1807	1817	1827	1837	1847	1857	1867	1877	1887	1897
0,127	0,148	0,179	0,222	0,270	0,320	0,367	0,435	0,516	0,592	0,762
1907	1917	1927	1937	1947	1957	1967	1977	1989	2002	
0,930	1,112	1,502	3,376	5,442	6,048	6,974	7,861	8,833	9,770	

* За 1797—1917 годы данные по Европейской России, за 1927—1989 годы — в текущих границах СССР, за 2002 год — Российская Федерация.

Источники: рассчитано по данным: табл. 4; [Всероссийская перепись, 2002; 2010; Всесоюзная перепись, 1928. Т. 1. С. 122—167; Т. 10. С. 66—221; 1929. Т. 9; Т. 11. С. 54—58; Т. 17; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.; Итоги переписи 1939 г. С. 89—90; Народное образование и культура, 1989; Народное образование, 1977; Народное хозяйство СССР, 1957—1988; Общий свод по империи, 1905. С. 56—67; Статистический ежегодник, 1924. С. 24—27].

Собранные и систематизированные данные о динамике уровня образованности населения России в X—XX веках являются ориентировочными и приблизительными. Они учитывают уровень образования только с формальной, количественной стороны — сколько лет потрачено на обучение. Между тем не менее важное значение имеют программы и качество обучения. И то, и другое очень сильно изменилось, например произошел сдвиг от гуманитарного к естественно-техническому образованию. Оценка полученных в учебных заведениях XVIII—XX веков знаний по-прежнему ждет своего исследователя, и работа эта, несомненно, преподнесет немало сюрпризов. Например, восхищаясь по традиции выпускниками дореволюционных гимназий и университетов, мы забываем, как мало знаний они получали по сравнению с сегодняшними школьниками и студентами. Известный педагог XIX века А. Д. Галахов (1807—1892) сравнил объем знаний, полученных им после окончания шестилетней гимназии в 1822 году, с тем, что давала гимназия через 54 года — в 1876 году, и пришел к выводу: выпускники 1822 года едва ли выдержали бы экзамен за 4-й класс восьмилетней гимназии 1876 года. Другими словами, шесть лет обучения в гимназии 1822 года равноценны трем-четырем годам обучения в гимназии 1876 года. За 54 года (это всего два поколения) программа обучения существенно изменилась, хотя набор предметов остался практически прежним. Правда, тот же Галахов полагает, что

глубина усвоения знаний была выше в 1822 году, так как повторяемое много раз лучше усваивалось [Галахов, 1999. С. 70—71].

Что касается качества обучения, то с конца XIX века, когда образование становится все более массовым, оно имело тенденцию постоянно ухудшаться, так как долгосрочное образование заменялось краткосрочным, очное — вечерним и заочным, а уровень преподавания и требования к глубине знаний постепенно снижались. Но самое существенное в другом: формальный объем знаний все время повышался, но усвоить его на прежнем уровне становилось просто невозможно. Вряд ли когда-нибудь эти факторы удастся учесть и построить динамический ряд, совершенно точно отражающий истинное изменение уровня образованности населения страны.

5. Культурный капитал в России и на Западе: отставание и его причины

В западноевропейских странах грамотность населения практически всегда находилась на более высоком уровне, чем в России. Но до конца XVI века сведения о ней немногочисленны и отрывочны, а вплоть до середины XIX века ее оценка проводилась на основании подписей новобрачных при заключении брака. Так как в брак вступало не менее 80% населения, данный источник позволяет оценить долю грамотных более надежно, чем данные о подписях в русских документах. Поскольку, однако, научиться подписываться мог и неграмотный, данные о грамотности на Западе несколько преувеличивают ее истинный уровень, но насколько, сказать нельзя. Во Флоренции первой половины XVI века доля умеющих читать среди взрослого населения обоего пола находилась в интервале 25—35%, в Лондоне в 1460-х годах среди взрослого мужского населения она достигла 40%, по всем английским городам доля грамотных в это же время составляла 25%, а во всем населении страны — 6—13% (женская грамотность примерно в 2 раза ниже). Во Франции в первой половине XVI века умеющих подписываться среди крестьянства насчитывалось 3—10% [Graff, 1987. P. 77, 97, 106, 144]. Однако до появления книгопечатания грамотность мужского населения в европейских странах и России различались несущественно — 5—10% против 3—5%. Но после Реформации, начиная с XVII века, разрыв стал увеличиваться и своего максимума достиг к концу XIX века, после чего стал сокращаться и был окончательно ликвидирован в 1950-е годы (табл. 10).

Чем же можно объяснить столь длительное и хроническое отставание по уровню грамотности России от Европы? Вопрос этот изучен плохо. Перечислю факторы, оказывавшие, по моему мнению, наиболее существенное влияние на динамику грамотности.

По-видимому, важная причина медленного изменения грамотности в Киевской и Московский Руси состояла в свойственном православному человеку недоверию к знанию и рассуждению, в отрицании

Т а б л и ц а 10

**Грамотность мужчин (м) и женщин (ж) в возрасте старше 9–15 лет
в семи странах, XVII–XX века (%)***

Страна		1600	1700	1800	1850	1889	1913	1920	1939	1959	1980
Россия/СССР	м	—	—	4–8	19	31	54	58	94	99,1	99,8
	ж	—	—	2–6	10	13	26	32	82	97,5	99,8
Австрия	м	—	—	—	33**	74	81***	—	—	—	99,5
	ж	—	—	—	19**	60	75***	—	—	—	99,5
Великобритания	м	24**	47**	68**	72**	91**	99**	—	—	98,0	99,5
	ж	11**	31**	43**	45**	89**	99**	—	—	98,0	99,5
США	м	—	65**	70**	81**	88**	93**	94	96	98,0	99,5
	ж	—	33**	45**	76**	85**	93**	94	96	98,0	99,5
Германия	м	—	—	80**	86**	97**	99**	—	—	98,0	99,5
	ж	—	—	50**	84**	95**	99**	—	—	98,0	99,5
Франция	м	16**	29**	47**	69**	89**	95**	95	95	96,0	99,5
	ж	—	14**	27**	46**	81**	94**	93	96	96,0	99,5
Япония	м	—	—	—	54— 75***	97**	98**	98**	99	99,0	99,5
	ж	—	—	—	19— 21***	—	—	—	97	96,7	99,5

* В России грамотность — умение читать, в прочих странах — писать и читать.

** Грамотность населения в возрасте старше 20 лет.

*** Доля детей школьного возраста, посещавших школу (%).

Источник: [Миронов, 2003. С. 383].

роли разума в делах веры, в убеждении, что высшие истины познаются через созерцание, чувство и нравственный подвиг. Католики и протестанты думают по-другому: знание помогает постичь божественную истину. Вторая причина состояла в уверенности, что русское имеет приоритет над иностранным, поскольку православие — единственно истинное вероучение. Под влиянием этих установок философского и обыденного сознания в России сложилось негативное отношение к западноевропейской школе и свободной науке, поскольку их считали органической частью западной культуры, проводниками влияния католической, а позднее и протестантской церкви, представлявших, по мнению русских, прямую угрозу национальной русской культуре. Поэтому-то латынь — международный язык науки — находилась в России до XVIII века под запретом, а простыми людьми воспринималась как ересь. Несколько трансформировавшись, эти представления благополучно дожили в сознании русского крестьянства — а в 1897 году это 85% населения страны — до начала XX века. Крестьяне сознательно и успешно сопротивлялись проникновению в деревню грамотности и через нее западных культурных стандартов ради сохранения традиционных устоев своей жизни. В массе своим сыновьям они давали возможность получить только минимальные знания, необходимые в быту, после чего запрещали ходить в школу [Eklof, 1986. Р. 385].

О связи между антиобразовательной парадигмой и вероисповеданием свидетельствует следующий факт: во включенной в состав

России в начале XVIII века Прибалтике, где наибольшее распространение получили протестантизм и католичество, грамотность всегда находилась на более высоком уровне и развивалась в XVIII—XIX веках намного быстрее, чем в русских районах. В конце XVIII века в протестантской по преимуществу Эстляндской губернии уровень грамотности населения обоего пола в возрасте старше девяти лет составлял 70%, в протестантско-католической Лифляндской губернии — 50%, а в католической по преимуществу Курляндской губернии — 27%. Через 100 лет, в 1897 году, эта цифра достигла в Эстляндии 95%, в Лифляндии — 92%, в Курляндии — 85% [Миронов, 1989. С. 42—50].

Широко распространенное представление, будто русская школа давала прочные и глубокие знания, не соответствует действительности как по объективным причинам — слабая материальная база школ, невысокое качество преподавания и низкая посещаемость, так и по субъективным — отсутствие высокой мотивации в получении образования. В конце XIX — начале XX века дети учились в начальной школе в среднем около двух лет, однако в сельской местности они пропускали до половины занятий из-за болезней, плохой погоды, срочной работы (дети активно участвовали в домашних и сельскохозяйственных работах), отсутствия одежды и обуви, местных праздников, разных семейных обстоятельств и т. п. [Eklof, 1986. P. 315—384].

Качество обучения также оставляло желать лучшего. Когда отец поэта А. А. Фета привез его в Петербург в 1834 году с намерением отдать учиться в столичное заведение, то знакомый его отца, известный русский поэт «[В. А.] Жуковский положительно посоветовал везти меня (А. А. Фета. — Б. М.) в Дерпт»³ [Фет, 1983. С. 103]. Впоследствии Фет положительно оценивал качество обучения в учебных заведениях Прибалтики, включая Дерптский университет, благодаря высокому уровню преподавания [Фет, 1983. С. 103—116]. П. Д. Боборыкин, обучавшийся в казанской гимназии, а потом в Казанском (1853—1854) и Дерптском (1855—1860) университетах, очень лестно отзывался о качестве обучения в Дерпте. «Уровень был действительно повышен, особенно в сравнении с Казанским университетом... Чтобы наглядно убедиться в громадной разнице „академических“ порядков в Казани и Дерпте — стоит перечесть в моем романе описание экзаменов там и тут. В Казани экзаменовались, как школьники, иногда даже с своими билетами, выдергивая их из-под обшлага мундира, в актовом зале, навтыжку перед столом экзаменатора. В Дерпте не было и тогда курсовых экзаменов ни на одном факультете. Главные предметы сдавали в два срока: первая половина у медиков *philosophicum*; а у остальных *rigorosum*. Вы приходили к профессору, и у него на квартире или в кабинете, в лаборатории — *садились* перед ним и давали ему вашу матрикульную книжечку, где он и производил отметки. По химии

³ В конце концов, Фета отдали учиться в соседний с Дерптом город Верро, подальше от «шумной студенческой жизни».

мой двухлетний *rigorosum* продолжался целый день, в два приема, с глазу на глаз с профессором и без всяких других формальностей. Но из одного такого испытания можно бы выкроить дюжину казанских студенческих экзаменов. Почти так экзаменуют у нас разве магистрантов... Если б прикинуть Дерптский университет к германским, он, конечно, оказался бы ниже таких, как Берлинский, Гейдельбергский или Боннский. Но в пределах России он давал все существенное из того, что немецкая нация вырабатывала на Западе... Как „возделыватель“ науки, студент не знал никаких стеснений; а если не попадался в кутежных и дуэльных историях, то мог совершенно игнорировать всякую инспекцию. Его не заставляли ходить к обедне, носить треуголку, не переписывали на лекциях или в шинельных, как делали еще у нас в недавнее время... При том же стремлении к строгому знанию, по самому складу жизни в Казани, Москве или Петербурге, нельзя было так устроить свою студенческую жизнь — в интересах чисто научных, как в тихих „Ливонских Афинах“, где некутящего молодого человека, ушедшего из корпорации, ничто не отвлекало от обихода, ограниченного университетом с его клиниками, кабинетами, библиотекой — и не веселого, но бодрящего и целомудренного одиночества в дешевой, студенческой мансарде. Словом, для *общеевропейского* умственного роста — находил это и я, и все, кто приезжал сюда учиться, а не „шалдашничать“ — Дерпт, как университет немецко-остзейского склада, мог дать очень многое» [Боборыкин, 1965. С. 162—165]. Наблюдения Боборыкина могут быть распространены и на среднюю российскую школу, включая гимназии.

Можно, впрочем, предположить: потребность в грамотности со стороны широких слоев населения была слабой не только по субъективным, но и по объективным причинам. Капитализм, побуждающий людей к усвоению грамоты из экономических соображений, начал развиваться в России очень поздно — в XVIII веке, вследствие чего товарно-денежные отношения не получили широкого распространения до конца XIX века. Достаточно сказать: товарность сельскохозяйственного производства, где было занято даже в 1897 году 74% населения, не превышала в конце XVIII века 8%, в середине XIX века — 13%, в начале XX века — 25% валового сбора. Добавим к этому слабость городов, в которых до середины XIX века проживало менее 10%, а в 1914 году — 15% всего населения, недоразвитость торговли и промышленности, которыми занимались всего около 3 и 10% самодельного населения в 1897 году. Таким образом, у широких слоев русского населения длительное время, по-видимому, попросту отсутствовали серьезные внутренние и внешние стимулы к получению образования. Со второй половины XIX века нигилизм в отношении грамотности стал постепенно исчезать. Даже у крестьянства возникла потребность в умении читать; однако умение учиться по книгам, руководствоваться прочитанным и усвоенным в своем поведении стало внутренней потребностью уже в советское время.

Задачу большой значимости представляет изучение влияния низкой грамотности и ее развития на человека и на различные стороны российской действительности. Не менее актуально исследование влияния грамотности на личность, ее внутренний мир, самосознание. Попытку ответить на некоторые из этих вопросов на русском материале последней трети XIX — начала XX века предприняли американские историки Б. Эклоф и Д. Брукс. Но они пришли, на первый взгляд, к разным выводам. Согласно Эклофу, грамотность не оказывала серьезного воздействия на русскую деревню, поскольку являлась элементарной, поверхностной и не функциональной. Старшее поколение крестьян, понимая опасность, которую образование представляло для традиционной народной культуры, намеренно препятствовало систематическому обучению своих детей. Если детям разрешали учиться, то недолго, около двух лет, и лишь умению читать, а не умению учиться у книг, осмысливать прочитанное [Eklöf, 1986. P. 328—341]. Этого было недостаточно, чтобы вызвать социальные изменения в деревне.

Брукс исследовал динамику общественного сознания народа (без разделения на город и деревню) через призму коммерческой литературы [Brooks, 1985]. Он обнаружил, что система ценностей, утверждавшаяся этой литературой, изменялась в конце XIX — начале XX века, и отнес эту перемену в значительной мере на счет роста грамотности населения. Но подобное заключение во многом априорно. Неясно, насколько адекватно отражала коммерческая литература менталитет, и если отражала, то менталитет каких социальных слоев и в какой мере. На мой взгляд, выявленные Бруксом изменения в общественном сознании относились главным образом к горожанам и к тонкому слою сельского населения, крестьянство в массе они затронули очень мало⁴ [Eklöf, 1986. P. 47—48, 281, 282]. Если это так, то противоречия между Эклофом и Бруксом нет. Необходимо дальнейшее изучение данной проблемы.

7. Рецидив безграмотности versus миф о враждебности царизма просвещению

Существует устойчивое представление, согласно которому российские власти из страха утраты контроля над подданными являлись главными врагами просвещения. Якобы именно их «стараниями» грамотность на Руси распространялась крайне медленно. Однако это — один из многих мифов об императорской России. В действительности же в период империи именно государство, в особенности верховная власть, являлось главным поборником просвещения и прилагало все возможные усилия для его распространения. Именно государство создало в стране целостную систему начального, среднего и высшего образования и финансировало ее. Важнейшей же причиной медленного

---

⁴ Дж. Брукс полагает, что потребность в функциональной грамотности у крестьянства все-таки возникла в конце XIX века, и потому более оптимистично оценивает влияние грамотности на психологию крестьян [Brooks, 1985. P. 3—34].

распространения грамотности, на мой взгляд, можно считать отсутствие у населения достаточной мотивации и настоятельной потребности в грамотности. Об этом красноречиво свидетельствует рецидив безграмотности (см. выше) — явление, получившее широкое распространение в пореформенной России, как раз в то время, когда власти прилагали особенно много усилий для развития школ. Этим термином называется утрата навыков чтения и письма прежде грамотными людьми вследствие того, что навыки в течение длительного времени не подкреплялись, другими словами — грамотность в повседневной жизни не использовалась. Явление зафиксировано практически во всех странах, но в разное время и с различной степенью интенсивности. В ходе специальных исследований в 1880—1890 годах российские исследователи обнаружили: уже через три-четыре года после окончания начальной сельской школы полученные знания и навыки в значительной мере утрачивались. Так, Н. А. Корф установил: 8,3% разучились читать или читали машинально, не понимая прочитанного; 7,1% не могли подписаться; 15,2% забыли два первых действия арифметики и т. д.⁵ [Корф, 1881. Кн. 10, 12] В масштабе страны утрата грамотности выявляется при сравнении данных о грамотности одних и тех же когорт через значительный интервал времени на основе переписей 1897 и 1920 годов (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

**Изменение грамотности населения европейской части СССР
по данным переписей 1897 и 1920 годов***

Возрастные группы (лет)		По фактическим данным							
		доля грамотных				изменение доли грамотных			
		мужчин		женщин		мужчин		женщин	
1897	1920	1897	1920	1897	1920	абсолютное значение	индекс	абсолютное значение	индекс
16—25	40—49	51,5	55,5	18,5	17,6	+4,0	107,8	-0,9	95,1
26—35	50—59	45,5	41,6	13,9	12,5	-3,9	91,4	-1,4	89,9
36+	60+	29,3	25,1	9,4	7,8	-4,2	85,7	-1,6	83,0

* Территория, сопоставимая в границах 1920 года.

Источники: рассчитано по данным [Общий свод по империи, 1905. С. 40—43; Статистический ежегодник, 1924. С. 24—27].

Реальные темпы утраты грамотности были выше, так как в период между переписями число учащихся стремительно росло, перекрывая в младших возрастных группах число лиц, забывающих грамоту. Рецидив безграмотности происходил интенсивнее в тех местностях, где уровень грамотности был ниже, а городская и культурная жизнь менее развитой. Так, у мужчин, которым в 1897 году было 50 лет и более, через 23 года, в 1920 году, грамотность уменьшилась в наиболее

⁵ Рецидив безграмотности в пожилом возрасте связан также с физиологическими изменениями в организме, с болезнями, склерозом и т. п. явлениями.

развитом в экономическом и культурном отношении Центрально-промышленном районе на 1,3%, в менее развитом Центрально-черноземном районе — на 5,1%, в наименее развитой Сибири — на 20%; аналогичные показатели у женщин составили соответственно 14, 17,9 и 21,1% (табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Утрата грамотности по сведениям переписи 1897 и 1926 годов
по возрастным группам (%)

Возрастные группы (лет)	Темпы утраты грамотности у населения			
	в целом		сельского	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
От 30—39 до 40—49	—	0,2—0,3	—	0,5—0,6
От 40—49 до 50—59	0,1—0,2	0,2—0,3	0,1—0,2	0,5—0,6
От 50—59 до 60—69	0,3—0,4	0,3—0,4	0,3—0,4	0,7—0,8
От 60—69 до 70—79	0,6—0,7	0,7—0,8	0,4—0,5	0,8—0,9
От 70—79 до 80—89	1,7—1,8	2,4—2,6	1,2—1,4	0,8—0,9
От 80—89 до 90—99	2,6—2,8	2,4—2,6	2,3—2,5	1,6—2,0
От 90—99 до 100—110	3,5—3,7	3,6—3,8	3,5—3,7	1,8—2,2
От 100—110 до 110 и старше	4,4—4,6	4,9—5,1	4,4—4,6	3,6—4,0

Источник: рассчитано по данным [Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9. 136—139, 160—161].

В пореформенное время темпы роста численности учащихся обогнали темпы роста численности грамотных в населении, что указывает на увеличение темпов рецидива безграмотности. Это объясняется рядом обстоятельств. После отмены крепостного права и вступления в силу в 1864 году «Положения о начальных народных училищах» сеть начальных школ и численность учащихся благодаря активности земств стала быстро расти: уже в 1878 году один учащийся приходился на 77 жителей, в 1896 году — на 33 жителя [Очерки истории школы, 1976. С. 518]. В первые пореформенные десятилетия земства открывали школы только там, где инициатива исходила от самого местного населения и оно соглашалось финансировать учебное заведение. С 1890-х годов земства стали открывать школы по своему усмотрению, а с начала XX века приняли «принцип обязательного открытия школ в тех местах, где их не имелось, чтобы волей-неволей привлечь население в школу», причем заботы о содержании школ полностью приняли на себя сами земства и казна [Исторический очерк, 1911. С. 10—12]. С 1908 года, после принятия закона о всеобщем бесплатном начальном образовании, школа стала теоретически доступной для всех, кто хотел учиться. Возникла в известной степени мода на школьное обучение. К 1911 году обучение охватило около 30% детей в возрасте 7—14 лет, еще примерно 5% хотели, но не могли учиться из-за нехватки в школах мест [Однодневная перепись, 1916. С. 67—69, 110].

Однако освоить полный курс даже начального образования могла лишь меньшая часть учащихся. А самое главное — в школьное обу-

чение все более вовлекались дети, не имевшие практической возможности использовать знание грамоты в своей дальнейшей жизни и работе, то есть сделать ее функциональной. Крестьянские дети, составлявшие большинство контингента начальной школы, после освоения грамоты почти не закрепляли ее в повседневной жизни, так как не имели привычки читать и учиться по книгам, получать информацию из газет, поэтому крайне редко выписывали газеты и покупали книги. Именно ввиду этого и произошло увеличение темпов утраты грамотности в конце XIX — начале XX века.

8. Социальные и психологические последствия отставания в развитии образования в России

Социальная интерпретация данных о развитии русской грамотности дает интересные результаты. Вот некоторые из них. Почти девятьсот лет, с X до начала XX века, в России, как и в западноевропейских странах до Реформации XVI века, наблюдался типичный для традиционных обществ низкий уровень грамотности. В таких условиях социализация молодого поколения и все воспроизводство культуры данного социума происходят путем непосредственной передачи опыта от одного поколения к другому, что, как правило, ориентирует человека на традицию, а не на социальные изменения. Именно поэтому низкая грамотность находилась в числе важнейших факторов, замедлявших развитие русского общества.

С началом вестернизации в XVIII веке стала распространяться грамотность, но в первые сто лет она глубоко проникла только в среду дворянства и духовенства — это всего 3% населения. Затем грамотность распространилась на купечество, мещанство и лишь в последнюю очередь на крестьянство. Быстрое и неравномерное увеличение грамотности в различных группах населения имело серьезные социальные и политические последствия — это способствовало расколу общества на образованных и неграмотных. На беду первые, как правило, были одновременно еще и богаче вторых, что только усугубляло раскол. Образованные, как правило, ориентировались на Запад и, значит, на модернизацию, неграмотные — на традицию. Представители привилегированных групп, воспринявшие современную светскую западную культуру, испытывали известный дискомфорт от жизни в России и желали изменить ее по европейской модели, чтобы не чувствовать себя «чужими среди своих». Некоторым из них казалось, что сделать это легко и просто — стоит показать народу образцы и научить ими пользоваться. На самом деле *изменения должны сначала произойти в головах людей*. А сделать это возможно только посредством массового образования, для чего требуется много времени и усилий. Не у всех хватает терпения, и немалому числу образованных людей революция кажется лучшим способом быстрого решения вопроса.

«Горе от ума» — очень точное выражение. Тяжело умному и образованному человеку жить в отсталой стране, неумоготу делать то, что большинство считает правильным, а он — устаревшим. На этот счет А. Д. Галахов рассказал в своих воспоминаниях поучительную историю о своем дяде М. Сербине (1803—1822), которого просвещенный отец-вольтериец воспитал в родовом имении Сербино Рязанской губернии, руководствуясь сочинением Руссо «Эмиль» и идеями французских просветителей XVIII века. По окончании домашнего образования Сербин поступил на службу в Петербурге в Канцелярию принятия прошений на высочайшее имя. «Сербинский „Эмиль“ скучал, бился, задыхался в обеих атмосферах — светской и бюрократической. Натура его не выдержала такой пытки: он бросил канцелярию и поступил в гусары». Казалось, новая служба пришлась ему по душе. Однако через два года, после ссоры с сослуживцами, он застрелился. «Так кончилась жизнь молодого человека, даровитого и доброго, но загубленного странным воспитанием», — заключил эту печальную историю Галахов [Галахов, 1999. С. 44—51]. Человеку, воспитанному на работах французских энциклопедистов, трудно было служить и на гражданской, и на военной службе. Одних людей разлад с жизнью и внутренний дискомфорт приводил, как М. Сербина, к самоубийству, других, например декабристов, — к восстанию, третьих — к эмиграции. Все они становились девиантами — людьми, отклоняющимися от принятых в обществе норм. В социологии для объяснения подобных случаев существует специальная культурологическая концепция: девиация возникает тогда, когда человек усваивает нормы субкультуры, противоречащие правилам культуры господствующей.

Дифференциация по образованию имела даже более серьезные последствия, чем расслоение по благосостоянию. Дело в том, что как только бедный образованный человек становился богатым, он от других богатых образованных людей мало чем отличался и легко находил с ним общий язык. Но когда бедный неграмотный становился богатым, он все равно не мог найти общий язык с образованными людьми, не важно — богатыми или бедными. Психология образованного и неграмотного человека существенно различается. Любой факт, любое событие в жизни намного эмоциональнее переживаются неграмотным, чем грамотным, так как у первого отсутствует привычка, которую дает регулярное чтение: смотреть на все, в том числе на себя, со стороны, глазами постороннего. По необходимости у неграмотного более узкий кругозор, чем у грамотного, но зато неграмотный всегда чувствует более глубокую сопричастность со всем, с чем сталкивает его жизнь, к людям у него также более персональное и эмоциональное отношение, чем у грамотного. Поэтому образованный и неграмотный по-разному чувствуют. Но и мыслительный процесс у грамотных и неграмотных людей происходит по-разному.

Психологи доказали: такие процессы, как образование понятий, логический вывод и умозаключение, имеют принципиально различную

структуру у неграмотных и у образованных людей. Неграмотный человек не может решить традиционный силлогизм: смертен ли Сократ, если Сократ человек, а все люди смертны? Он посоветует обратиться к тем, кто знает Сократа. Исходные посылки силлогизма он воспринимает как два изолированных вопроса. Абстрактное мышление у неграмотного находится на низком уровне, он может оперировать информацией, почерпнутой только из своего жизненного опыта и только в рамках этого опыта. В 1930-е годы жители отдаленных кишлаков Средней Азии не могли решить силлогизм, оторванный от их непосредственного опыта: «На Севере, где вечный снег, все медведи белы. Место X находится на таком севере. Белы там медведи или нет?» Они отвечали психологам, задававшим им этот вопрос: «Я там не бывал и не знаю. Вот спросите старика Y, он там бывал, он вам скажет. А я врать не буду». Ученые полагают, что крестьяне в русских глухих деревнях в XVIII—XIX веках мало отличались от среднеазиатских крестьян 1930-х годов с точки зрения познавательных процессов [Лурия, 1971. С. 36—62].

Поэт А. А. Фет, поступивший на военную службу в 1845 году, вспоминал: «Вместе со мной учились пешему фронту пять или шесть новобранцев. Тут я мог убедиться в подспорье, предъявляемом даже в телесном упражнении известным умственным развитием. Видно было, каких усилий стоило рекрутам правильно делать по команде поворот. Рассказывали, будто в недавнем прошлом для укрепления в памяти противоположности правого левому новобранцем привязывали к одной ноге сено, а к другой солому. До этого не доходило на наших учениях, не лишенных, впрочем, трагизма» [Фет, 1983. С. 188—189].

Е. А. Андреева-Бальмонт (1867—1950), переводчица, жена поэта К. Д. Бальмонта, родственница известных московских издателей Сабашниковых, происходила из богатой купеческой семьи и отличалась редкой образованностью. Во второй половине 1880-х годов она работала библиотекарем в московских воскресных школах для работниц, недавно пришедших из деревни, и заметила много «странного» в их восприятии: ученицы не узнавали на картинках элементы знакомого мира, самих себя, не различали оттенков красок. «Наши ученицы, все взрослые, не понимали, что изображено на самых простых картинках в книге. Например, стоит мальчик на углу улицы под уличным фонарем, около него собака. В такой картинке ничего, казалось, не было незнакомого — наши ученицы, особенно молоденькие, родились и выросли в Москве и каждый день на улице могли видеть мальчика с собакой, но ни одна из них не могла рассказать, что изображено на такой картинке. „Видите мальчика? Собаку?“ — спрашивала я их. Они вертели картинку в руках и молчали. „Вот собака“, — показывала я пальцем на нее. Тогда кто-нибудь восклицал с удивлением: „Никак и впрямь песик, ну скажи, пожалуйста, песик и есть...“ И книга шла по рукам, и собаку на картинке узнавали.

Когда мы показывали ученицам картину в волшебном фонаре (аппарат для проекции изображений. — *Б. М.*), ни одна не могла сказать

без помощи учительницы, что она изображает. Они еле-еле различали на ней человеческую фигуру, в пейзаже не видели деревьев или воду. Когда им объясняли, что представлено на картине, они отворачивались от картины и, смотря в рот учительнице, слушали ее... Так им пришлось, как малым детям, показывать „Лес“ Шишкина. „Да где лес-то?“ — спрашивали они. „А вот деревья, — говорила я, — сосны, вы же знаете, какие деревья бывают: ели, березы“. — „Что знать-то! Дерево и дерево... а еще пеньки“. Это всё, что они отвечали. Медвежат никто не рассмотрел...

И тут я сделала еще одно открытие: большинство наших учениц не различали оттенки красок, они знали только название черной, белой, красной, синей — и всё. ...Когда я рассказала об этом в нашем кружке, оказалось, что многие учительницы знали о таких случаях из своего опыта. Одна кормилица, попавшая в Москву из глухой деревни, не могла привыкнуть к большому зеркалу, вставленному в стену, она хотела пройти через него, принимая свое отражение за женщину, которая шла к ней навстречу в таком же сарафане и кокошнике, как она. Другая, когда ее сняли в фотографии со своим сыном, не понимала, что это она на карточке, и не различала своего ребенка у себя на руках.

Писатель А. И. Эртель, присутствовавший при этом разговоре, рассказал случай, бывший при нем в деревне. Хозяин конского завода показал дагерротипный снимок лошади, взявшей приз на скачках, ее наезднику. Наездник повертел фотографию в руках, положил ее на стол. „Это наша Красавица, узнал? — спросил хозяин. — Возьми эту карточку себе, я тебе ее дарю, повесь у себя в конюшне“, — прибавил он на недоуменный взгляд наездника. „Покорно благодарим“, — сказал наездник, взяв карточку и рассматривая ее. „Похожа?“ — спросил хозяин. „Очень схожа, как две капли воды ваша покойная бабинька“, — ответил наездник, взглянув на висевший на стене портрет масляными красками, который, он знал, изображал бабушку хозяина» [Андреева-Бальмонт, 1997. С. 231—232].

Заключение

Грамотность на Русь пришла вместе с христианством в X веке, но до XVIII века развивалась крайне медленно, с отставанием от западноевропейских стран. С начала XVIII века, под влиянием начавшейся модернизации, правительство прилагает значительные усилия по развитию образования в стране, создав сеть учебных заведений. Однако отсутствие серьезных побудительных мотивов у широких слоев населения не позволило существенно повысить уровень грамотности в России до середины XIX века. Только с отменой крепостного права и с серией крупных реформ 1860-х годов, по мере развертывания промышленной революции и урбанизации в России среди населения пробуждается массовый интерес к грамотности. Усилиями преимущественно правительства и интеллигенции и в меньшей степени са-

мих неграмотных жителей страны создается широкая сеть начальных школ. В 1908 году Государственная Дума принимает закон о всеобщем начальном обучении. В результате к 1917 году грамотными стали 42% всего населения страны. Существование в пореформенное время рецидива неграмотности доказывает: имевшаяся сеть школ в целом удовлетворяла потребности людей в приобретении грамотности и, значит, не власти являлись главными и непосредственными виновниками низкого культурного уровня народа.

В советское время тенденция быстрого распространения школьного обучения сохранилась, благодаря чему в конце 1950-х годов грамотность стала всеобщей, а к 1991 году культурный капитал страны достиг внушительной величины и стал одним из самых значительных в мире. Благодаря этому из советского периода своей истории Россия вышла, на первый взгляд мало уступая западным соседям с точки зрения культурного капитала, а в постсоветский период вплоть до настоящего времени продолжала его наращивать. «С количественной точки зрения человеческий капитал, которым располагает российская экономика, является одним из самых значительных в мире. По доле работников с третичным образованием Россия является мировым лидером, а по доле работников с высшим образованием входит в группу наиболее продвинутых стран», — отмечает Р. Капелюшников [Капелюшников, 2012. С. 144].

Однако пока мы живем по поговорке «ума палата, да ключ потерян»: свой культурный капитал используем без должного эффекта. Во-первых, вследствие «утечки мозгов», имеющей три основные формы: эмиграция десятков тысяч способных ученых и инженеров за границу в поисках интересной работы и обеспеченной жизни; работа за рубежом по временным контрактам; массовый внутренний отток инженерно-технических талантов из области исследований и разработок в сферу обслуживания, в коммерческие торговые организации и в другие сферы, далекие от их образования и опыта работы. Во-вторых, «по масштабам недоиспользования накопленного человеческого капитала Россия занимала и занимает одно из лидирующих мест в мире. Не менее трети всех работников с третичным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. Это означает, что знания и навыки, полученные ими в системе формального образования, либо не находят применения, либо отличаются настолько низким качеством, что закрывают их обладателям доступ к „хорошим“ рабочим местам» [Капелюшников, 2012. С. 145].

Современная Россия представляется мне могучим богатырем, которому не удастся реализовать свой огромный потенциал. Действительно, многочисленный и талантливый народ, колоссальные естественные ресурсы, богатейшая культура и громадный культурный капитал — ну что еще нам нужно для успешного развития и счастливой жизни?! Почти тысячу лет назад на этот вопрос ответил мудрый летописец Нестор в «Повести временных лет»: «Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка. — *Б. М.*) в ней нет». В 1867 году диагноз подтвер-

дил писатель А. К. Толстой: «Земля наша богата, порядка в ней лишь нет» [Толстой, 1969. С. 371]. В переводе на современный научный язык — реализации потенциала препятствуют российские институты. Основоположник институциональной теории Д. Норт определяет институты как «правила игры» в обществе: «институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом... Они состоят из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их» [Норт, 1997. С. 19].

Россия похожа на скованного Прометея, напоминая всем нам: мало похитить огонь с неба, надо еще разбить оковы земные. Иначе говоря — мало усвоить знания, надо иметь институты, позволяющие приложить знания к делу.

Список литературы

- Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, М., 1997.
- Андрезен Л.* Эстонские народные школы в XVII—XIX веках. Таллин: Валгус, 1980.
- Бельняк Д. А.* О грамотности московских горожан в XIV—XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1975. Вып. 144.
- Благовещенский Н. А.* Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. 1: Крестьянское хозяйство. М.: [Без изд.], 1893.
- Боборыкин П. Д.* Воспоминания: в 2 т. М.: Худож. лит-ра, 1965. Т. 1.
- Богоявленский С. К.* Научное наследие: О Москве XVII в. М.: Наука, 1980.
- Борисов В.* Взгляд на грамотность шуян в XVII и XVIII столетиях // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. Ч. 84. Отдел VII.
- Бочкарев В.* Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 г. // Русская старина. 1915. Февраль.
- Булгаков М. Б.* Грамотность помещичьих крестьян Коломенского и Волоколамского уездов Московской губернии накануне реформы 1861 г. (по описаниям помещичьих имений 1858 г.) // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры / Под ред. Л. Н. Пушкарева. М.: Ин-т истории АН СССР, 1984.
- Бычков Г.* Грамотность сельского населения (по данным земской статистики) // Юридический вестник. 1890. Июль-август.
- Вахтеров В. П.* Внешкольное образование народа. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1896.
- Волков Л. В.* О грамотности населения России в XVII в. // Вопросы архивоведения. 1964. № 1.
- Всероссийская перепись населения 2002 года. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
- Всероссийская перепись населения 2010 года. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 56 т. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928—1933.
- Всесоюзная перепись населения 1979 г. / Под ред. А. А. Исупова, Н. З. Шварцера. М.: Финансы и статистика, 1984.
- Галахов А. Д.* Записки человека. М.: Новое лит. обозрение, 1999.
- Гуревич Ф. Д.* Грамотность горожан древнерусского Понеманья // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. 1973. Вып. 135.
- Дефонский Г. К.* Пензенская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального Штаба, 1849.

- Дружинин А. Г.* Начальное образование в Тульской губернии с 1800 по 1900 год. Тула: Тип. И. Д. Фортунатова, 1901.
- Исторический очерк развития всеобщего обучения в Нижегородском уезде (полное осуществление школьной сети в 1908 г.) в связи с работою земства по народному образованию: Докл. Нижегород. уезд. земства Общезем. съезду по нар. образованию 16 авг. 1911 г. / Сост. Н. Н. Иорданский. Н. Новгород: Нижегородское печат. дело, 1911.
- История Москвы: в 6 т. / Под ред. С. В. Бахрушина и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2: Период феодализма. XVIII в.
- История северного крестьянства: в 4 т. / Под ред. В. Т. Пашуто. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. Т. 1.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (Сводный том). М.: Госстатиздат, 1962.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: в 7 т. М.: Статистика, 1972. Т. 3.
- Итоги переписи 1939 г. // Вестник статистики. 1956. № 6.
- Капелюшников Р. И.* Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? // Вопросы экономики. 2012. № 3.
- Кафенауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982.
- Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974.
- Корф Н. А.* Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян // Русская мысль. 1881.
- Крутиков В. И., Федоров В. А.* Описание помещичьих имений 1858—59 гг. как источник по истории помещичьего хозяйства и крестьянства накануне реформы 1861 г. (по материалам Тульской и Московской губерний) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. Рига: Зинатне, 1977.
- Лапто-Данилевский А. С.* Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1897.
- Лурия А. Р.* Психология как историческая наука: (К вопросу об исторической природе психологических процессов) // Историк и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыфировой. М.: Наука, 1971.
- Миронов Б. Н.* Динамика грамотности в Прибалтике во второй половине XVIII—XIX вв.: Опыт исторического предсказания // Изв. Академии Наук ЭССР. Общественные науки. Таллинн. 1989. № 38/1.
- Миронов Б. Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л.: Наука, 1991.
- Миронов Б. Н.* Экономический рост и образование в России и СССР в XIX—XX веках // Отечественная история. 1994. № 4—5.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд.: в 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 2.
- Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Мир России, 2012.
- Народное образование и культура в СССР: Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1989.
- Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. М.: Статистика, 1977.
- Народное хозяйство СССР в [1956—1987] году: Стат. ежегодник. М., 1957—1988.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Л. Ныркина, 1905.
- Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 ян-

- варя 1911 г. / Под ред. В. И. Покровского. Пг.: Тип. Экономия, 1916. Вып. 16: Итоги по империи. Ч. 1.
- Отчет Министерства юстиции за [1837—1867] год. СПб., 1839—1869.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Под ред. Э. Д. Днепров. М.: Педагогика, 1989.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Вторая половина XIX в. / А. И. Пискунов (ред.). М.: Педагогика, 1976.
- Очерки русской культуры X—XV веков / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
- Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А.* История СССР с древнейших времен до 1861 года. М.: Просвещение, 1989.
- Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М.: Наука, 1990.
- Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): Стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956.
- Рогов А. И.* Школа и просвещение // Очерки истории русской культуры XVI века / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. Ч. 2.
- Розов Н. Н.* Статистика и география русской книги XV в. // Книга в России до середины XIX в. / Под ред. А. А. Сидорова, С. П. Луппова. Л.: Наука, 1978.
- Салминь А. Я.* О грамотности крестьян Лифляндской и Курляндской губерний в XVIII в. // История СССР. 1969. № 6.
- Сапунов Б. В.* Книга в России XI—XIII вв. Л.: Наука, 1978.
- Свод статистических сведений по делам уголовным за [1876—1907] год. СПб., 1878—1910.
- Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии, составленная по сведениям, собранным Саратовской комиссией для уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1859.
- Семевский М. И.* Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 году. СПб.: Тип. И. Огризко, 1864.
- Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV—XVII вв. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1894.
- Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. М.: ЦСУ СССР, 1924.
- Судаков Г. В.* Грамотность и книжная культура вологжан в XVII в. // Северный археологический сборник. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1973. Вып. 3.
- Толстой А. К.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1969. Т. 1.
- Трубииков В. В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сборник статистических сведений о России, изданный стат. отд. Русского Географического общества / Под ред. В. П. Безобразова. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1858. Кн. 3.
- Устюгов Н. В.* Научное наследие: Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII—XVIII вв. М.: Наука, 1974.
- Фет А. А.* Воспоминания. М.: Правда, 1983.
- Чарнолуцкий В. И.* Вопросы народного образования на Первом общеземском съезде. СПб.: Знание, 1912.
- Чехов Н. В.* Народное образование России с 60-х годов XIX века. М.: Польза, 1912.
- Яцимирский А. И.* Образованность в Московской Руси // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев: Н. Я. Оглоблин, 1912. Т. 3.
- Brooks J.* When Russian Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.
- Eklof B.* Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861—1914. Berkeley, CA et al.: University of California Press, 1986.
- Graff H. J.* The Legacies of Literacy: Continuities and Contradictions in Western Culture and Society. Bloomington: Indiana University Press, 1987.
- Palli H.* Lugesisokus Otepaа kihelkonnas 1765. Aastal // Keel ja Kirjandus. 1984. No 10.

References

- Andreeva-Balmont E. A. *Vospominanija* [Reminiscences]. Moscow, Sabashnikovyh Publ., Moscow, 1997.
- Andreen L. *Jestonskie narodnye shkoly v XVII-XIX vekah* [Estonian Folk School in the XVII-XIXth Centuries]. Tallin, Valgus Publ., 1980.
- Belenkaja D. A. O gramotnosti moskovskih gorozhan v XIV-XVII vv. [On Literacy of Moscow Citizens in the XIVth and XVIIth Centuries]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii AN SSSR*, 1975, no. 144.
- Blagoveshenskij N. A. *Svodnyj statisticheskij sbornik hozjajstvennyh svedenij po zemskim podvornym perepisjam* [Consolidated Statistical Compilation of Economic Data on the Zemsky Household Census]. Vol. 1. Krest'janskoe hozjajstvo [A Farm]. Moscow, 1893.
- Boborykin P. D. *Vospominanija* [Reminiscences]. In 2 vols. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1965, vol. 1.
- Bochkarev V. Kul'turnye zaprosy russkogo obshhestva nachala carstvovanija Ekateriny II po materialam Zakonodatel'noj komissii 1767 g. [Cultural Needs of Russian Society in the Early Reign of Catherine II Based on the Legislative Commission of 1767]. *Russkaja starina*, 1915, February.
- Bogojavlenskij S. K. Nauchnoe nasledie: O Moskve XVII v. [Scientific Heritage: About Moscow in the XVIIth Century]. Moscow, Nauka Publ., 1980.
- Borisov V. Vzglyad na gramotnost' shujan v XVII i XVIII stoletijah [A Look at Shuya Citizens' Literacy in the XVIIth and the XVIIIth Centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*, 1854, ch. 84, paragraph VII.
- Brooks J. *When Russian Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.
- Bulgakov M. B. Gramotnost' pomeshhich'ih krest'jan Kolomenskogo i Volokolamskogo uezdov Moskovskoj gubernii nakanune reformy 1861 g. (po opisaniyam pomeshhich'ih imenij 1858 g.) [Serfs' Literacy in Kolomna and Volokolamsk District of Moscow Province on the Eve of the 1861 Reform (the Descriptions of the Landed Estates, 1858)]. In: *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty russkoj kul'tury*. Pushkarev L. N. (ed.) Moscow, Institut istorii AN SSSR, 1984.
- Bychkov G. Gramotnost' sel'skogo naselenija (po dannym zemskoj statistiki) [Literacy of the Rural Population (According to the Zemsky Statistics)]. *Juridicheskij vestnik*, 1890. July-august.
- Charnoluskij V. I. *Voprosy narodnogo obrazovanija na Pervom obshhezemskom s'ezde* [Issues of Public Education at the First Common Zemsky Congress]. St. Petersburg, Znanie Publ., 1912.
- Chehov N. V. *Narodnoe obrazovanie Rossii s 60-h godov XIX veka* [Peoples Education in Russia from the 1860s]. Moscow, Polza Publ., 1912.
- Dekonskij G. K. *Penzenskaja gubernija* [Penza Province]. St. Petersburg, Departament General'nogo Shtaba Publ., 1849.
- Druzhinin A. G. *Nachal'noe obrazovanie v Tul'skoj gubernii s 1800 po 1900 god* [Primary Education in the Province of Tula from 1800 to 1900]. Tula, I. D. Fortunatov Publ., 1901.
- Eklof B. *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861-1914*. Berkeley, CA et al., University of California Press, 1986.
- Fet A. A. *Vospominanija* [Reminiscences]. Moscow, Pravda Publ., 1983.
- Galahov A. D. *Zapiski cheloveka* [Notes of the Person]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999.
- Graff H. J. *The Legacies of Literacy: Continuities and Contradictions in Western Culture and Society*. Bloomington, Indiana University Press, 1987.
- Gurevich F. D. Gramotnost' gorozhan drevnerusskogo Poneman'ja [Literacy of Citizens of Ancient Neman District]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii Akademii nauk SSSR*, 1973, no. 135.

- Istoricheskiy ocherk razvitiya vseobshhego obuchenija v Nizhegorodskom uezde (polnoe osushhestvlenie shkol'noj seti v 1908 g.) v svyazi s rabotoju zemstva po narodnomu obrazovaniju. [Historical Sketch of the Development of Universal Education in the Nizhny Novgorod District (Full Implementation of the School Network in 1908) in Connection with the Zemstsky Work for Public Education]. Iordanskij N. N. (ed.). *Doklad Nizhegorodskogo uezdnogo zemstva Obshhezemelnomu s'ezdu po narodnomu obrazovaniju 16 avg. 1911 g.* [Report of the Nizhny Novgorod district zemstvo to the Congress on Public Education, 16 August, 1911]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskoe pechatnoe delo Publ., 1911.
- Istorija Moskvy* [Moscow's History]. In 6 vols. Bahrushina S. V. etc. (eds.). Moscow, AN SSSR Publ., 1953. Vol. 2: Period feodalizma. XVIII v.
- Istorija severnogo krest'janstva* [The history of the Northern Peasantry]. In 4 vols. Pashuto V. V. (ed.). Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984, vol. 1.
- Itogi perepisi 1939 g. [Results of the 1939 Census]. *Vestnik statistiki*, 1956, no. 6.
- Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1959 g. SSSR* [All-Union Census of 1959, the Soviet Union]. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1962.
- Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1970 g.* [All-Union Census of 1970]. In 7 vols. Moscow, Statistika Publ., 1972, vol. 3.
- Jacimirskij A. I. Obrazovannost' v Moskovskoj Rusi [Education in Moscow Russia]. *Russkaja istorija v ocherkah i stat'jah*. Dovnar-Zapolskij M. V. (ed.) Kiev: N. Ja. Ogloblin Publ., 1912, vol. 3.
- Kafengauz B. B. *Ocherki vnutrennego rynka Rossii pervoj poloviny XVIII v.* (Po materialam vnutrennih tamozhen) [Essays on the Russian Domestic Market in the First Half of the XVIIIth Century: (Based on Internal Customs Data)]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958.
- Kapeljushnikov R. I. Spros i predlozhenie vysokokvalificirovannoj rabochej sily v Rossii: kto bezhal bystree? [Demand and Supply of Highly Skilled Workers in Russia: Who Ran Faster?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 3.
- Kolchin B. A., Janin V. L. Arheologii Novgoroda 50 let [50 years of Novgorod Archeology]. *Novgorodskij sbornik: 50 let raskopok Novgoroda*. Kolchin B. A., Janin V. L. (eds.) Moscow, Nauka Publ., 1982.
- Kopylov A. N. *Ocherki kul'urnoj zhizni Sibiri XVII - nachala XIX v.* [Essays on the Cultural Life of Siberia in the XVIIIth and early XVIIIth centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1974.
- Korf N. A. Obrazovatel'nyj uroven' vzroslyh gramotnyh krest'jan [The Educational Level of Adult Literate Peasants]. *Russkaja mysl*, 1881, vol. 10, 12.
- Krutikov V. I., Fedorov V. A. Opisanie pomeshhich'ih imenij 1858-59 gg. kak istochnik po istorii pomeshhich'ego hozjajstva i krest'janstva (po materialam Tul'skoj i Moskovskoj gubernii) [Inventory of Landlord Estates in 1858-59 as a Source on the History of Landlord Estates and Peasantry (Moscow and Tula Provinces)]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. 1970. Riga, Zinatne, 1977.
- Lappo-Danilevskij A. S. *Sobranie i svod zakonov Rossijskoj imperii, sostavlennye v carstvovanie imperatricy Ekateriny II* [Collection and a Set of Laws of the Russian Empire, Enacted in the Reign of Catherine II]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva Publ., 1897.
- Lurija A. R. Psihologija kak istoricheskaja nauka. (K voprosu o istoricheskoj prirode psihologicheskikh processov) [Psychology as a Science of History (the Question of the Historical Nature of the Psychological Processes)]. *Istori i psihologija*. Porshnev B. F., Ancyfirova L. I. (eds.) Moscow, Nauka Publ., 1971.
- Mironov B. N. Dinamika gramotnosti v Pribaltike vo vtoroj polovine XVIII-XIX vv.: Opyt istoricheskogo predskazaniya [Dynamics of Literacy in the Baltics in the Second Half of the XVIII-XIXth Centuries: Experiment of Historical Prediction]. *Izvestija Akademii Nauk ESSR. Obshhestvennye nauki*. Tallinn, 1989, no 38/1.
- Mironov B. N. *Istorija v cifrah: Matematika v istoricheskikh issledovanijah* [History in Figures: Mathematics in Historical Research]. Leningrad, Nauka Publ., 1991.
- Mironov B. N. Jekonomicheskij rost i obrazovanie v Rossii i SSSR v XIX-XX vekah [Economic Growth and Education in Russia and the USSR in the XIX-XXth Centuries]. *Otechestvennaja istorija*, 1994, no. 4-5.

- Mironov B. N. *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.)* [Social History of Imperial Russia (the XVIIIth through the Early XXth Centuries)]. 3rd ed. In 2 vols. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2003, vol. 2.
- Mironov B. N. *Blagosostojanie naselenija i revoljucii v imperskoj Rossii: XVIII - nachalo XX veka* [The Standard of Living and Revolution in Imperial Russia: the XVIIIth through Early XXth Centuries]. Moscow, Mir Rossii Publ., 2012.
- Narodnoe hozjajstvo SSSR v [1956-1987] godu* [The Economy of the USSR in the [1956-1987] year]. Statistical Handbook. Moscow, 1957-1988.
- Narodnoe obrazovanie i kul'tura v SSSR* [Education and Culture in the USSR]. Statistical Handbook. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1989.
- Narodnoe obrazovanie, nauka i kul'tura v SSSR* [Education, Science and Culture in the USSR]. Statistical Handbook. Moscow, Statistika Publ., 1977.
- Nort D. *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Nachala Publ., 1997.
- Obshhij svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj vseobshhej perepisi naselenija, proizvedennoj 28 janvarja 1897 goda* [Consolidated Set of Results of the First General Census of the Population, Produced 28 January 1897]. In 2 vols. St. Petersburg, Tip. N. L. Nyrkina Publ., 1905, vol. 1.
- Očerki istorii shkoly i pedagogičeskoj mysli narodov SSSR s drevnejših vremen do konca XVII v.* [Essays on the History of School and Pedagogical Thought in the USSR from Ancient Times to the End of the XVIIth Century]. Dneprov E. D. (ed.) Moscow, Pedagogika Publ., 1989.
- Očerki istorii shkoly i pedagogičeskoj mysli narodov SSSR: Vtoraja polovina XIX v.* [Essays on the History of School and Pedagogical Thought in the USSR: The Second Half of the XIXth Century]. Piskunov A. I. (ed.). Moscow, Pedagogika Publ., 1976.
- Očerki rusškoj kul'tury X-XV vekov.* [Essays of Russian Culture in the X-XVth Centuries]. Arcihovskij A. V. (ed.). Moscow, Moskovskogo universitetata Publ., 1970.
- Odnodnevnaja perepis' nachal'nyh škol Rossijskoj imperii, proizvedennaja 18 janvarja 1911 g.* [The One-Day Census of Primary Schools of the Russian Empire, Produced 18 January 1911]. Pokrovskij V. I. (ed.). Pg.: Tip. Jekonomija Publ., 1916. no. 16. ch. 1.
- Otčet Ministerstva justicii za [1837-1867] god* [Report of the Ministry of Justice [1837-1867] year]. St. Petersburg, 1839-1869.
- Palli H. Lugeemisokus Otepa kihelkonnas 1765. Aastal. *Keel ja Kirjandus*, 1984. No 10.
- Pavlenko N. I., Kobrin V. B., Fedorov V. A. *Istorija SSSR s drevnejših vremen do 1861 goda* [Russian History from Ancient Times to 1861]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989.
- Rahmatullin M. A. *Krest'janskoe dvizhenie v velikorusških gubernijah v 1826-1857 gg.* [Peasant Movement in the Russian Provinces in 1826-1857]. Moscow, Nauka Publ., 1990.
- Rashin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811-1913 gg.)* [The Population of Russia for 100 years (1811-1913)]. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1956.
- Rogov A. I. Shkola i prosveshhenie [School and Education]. *Očerki istorii rusškoj kul'tury XVI veka* [Studies in the History of Russian Culture in the XVIth Century]. Arcihovskij A. V. (ed.). Moscow, Moskovskogo universitetata Publ., 1977. Ch. 2.
- Rozov N. N. Statistika i geografija rusškoj knigi XV v. [Statistics and Geography of Russian Books in the XVth Century]. *Kniga v Rossii do seređiny XIX v.* [Book in Russia up to the Middle of the XIXth Century]. Sidorov A. A. , Luppov S. P. (eds.). Leningrad, Nauka Publ., 1978.
- Salmin A. Ja. O gramotnosti krest'jan Lifljandskoj i Kurljandskoj gubernij v XVIII v. [About Peasants' Literacy of Livonia and Courland in the XVIIIth Century]. *Istorija SSSR*, 1969, no. 6.
- Sapunov B. V. *Kniga v Rossii XI-XIII vv* [Book in Russia in the X-XIIIth Centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1978.
- Sel'skhozjajstvennaja statistika Saratovskoj gubernii, sostavlennaja po svedenijam, sobranym Saratovskoj komissiej dlja uravnenija denezhnyh sborov s gosudarstvennyh krest'jan* [Agricultural Statistics of the Saratov Province, Compiled from Information Collected by the Commission Aimed to Equate the Cash Charges between State Peasants]. St. Petersburg, Tip. L. Demisa Publ., 1859.

- Semevskij M. I. *Gramotnost' v derevnjah gosudarstvennyh krest'jan Pskovskoj gubernii v 1863 godu* [Literacy of the State Peasants in the Villages of the Pskov Province in 1863]. St. Petersburg, Tip. I. Ogrizko Publ., 1864.
- Sobolevskij A. I. *Obrazovannost' Moskovskoj Rusi XV-XVII vv.* [Education in Muscovy in the XV-XVIIth Centuries]. St. Petersburg, Tip. M. Merkusheva Publ., 1894.
- Statisticheskij ezhegodnik 1922 i 1923 gg.* [Statistical Yearbook 1922 and 1923]. Moscow, CSU SSSR, 1924.
- Sudakov G. V. Gramotnost' i knizhnaja kul'tura vologzhan v XVII v. [Literacy and Literary Culture in Vologda in the XVIIth Century]. *Severnyj arheograficheskij sbornik*. Vologda: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo, 1973, no. 3.
- Svod statisticheskikh svedenij po delam ugovornym za [1876-1907] god* [Set of Statistics for Criminal for [1876-1907] Year]. St. Petersburg, 1878-1910.
- Tolstoj A. K. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. In 4 vols. Moscow, Pravda Publ., 1969, vol. 1.
- Trubnikov V. V. Rezul'taty narodnyh perepisej v Ardatovskom uezde Simbirskoj gubernii [The Results of Peasant Censuses in Ardatov District of Simbirsk Province]. *Sbornik statisticheskikh svedenij o Rossii, izdannij stat. ot. Russkogo Geograficheskogo obshhestva* [Collection of Statistics on Russia, Published by Statistical Department of Russian Geographical Society]. Bezobrazov V. P. (ed.) St. Petersburg, 1858. Kn. 3.
- Ustjugov N. V. *Nauchnoe nasledie: Jekonomicheskoe razvitie, klassovaja bor'ba i kul'tura v Russkom gosudarstve v XVII v. Narody Srednej Azii i Priural'ja v XIII-XVIII vv.* [Scientific Heritage: Economic Development, Class Struggle and Culture in the Russian State in the XVIIth Century. The Peoples of Central Asia and the Urals in the XIII-XVIIIth Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1974.
- Vahterov V. P. *Vneshkol'noe obrazovanie naroda* [Non-Formal Education of the People]. Moscow, I. D. Sytin Publ., 1896.
- Volkov L. V. O gramotnosti naselenija Rossii v XVII v. [On Literacy of Russian People in the XVII Century]. *Voprosy arhivovedenija*, 1964. № 1.
- Vserossijskaja perepis' naselenija 2002 goda* [National Census of 2002]. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
- Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda* [National Census of 2010]. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php.
- Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda*. [All-Union Census of 1926]. In 56 vols. Moscow, CSU Sojuza SSR, 1928-1933. Vol. 1. Moscow, 1928.
- Vsesojuznaja perepis' naselenija 1979 g.* [All-Union Census of 1979]. Isupova A. A., Shvarcer N. Z. (eds.). Moscow, Finansy i statistika Publ., 1984.